

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

Однажды на Святках завтракали мы вчетвером, - три старых приятеля и некто Георгий Иванович, - в Большом Московском.

По случаю праздника в Большом Московском было пусто и прохладно. Мы прошли старый зал, бледно освещенный серым морозным днем, и приостановились в дверях нового, выбирая, где поуютней сесть, оглядывая столы, только что покрытые белоснежными тугими скатертями. Сияющий чистотой и любезностью распорядитель сделал скромный и изысканный жест в дальний угол, к круглому столу перед полукруглым диваном. Пошли туда.

- Господа, - сказал композитор, заходя на диван и ваясь на него своим коренастым туловищем, - господа, я нынче почему-то угощаю и хочу пировать на славу. - Раскиньте же нам, служающий, самобранную скатерть как можно щедрее, - сказал он, обращая к половому свое широкое мужицкое лицо с узкими глазками. - Вы мои королевские замашки знаете.

- Как не знать, пора наизусть выучить, - сдержанно улыбаясь и ставя перед ним пепельницу, ответил старый умный половой с чистой серебряной бородкой. - Будьте покойны, Павел Николаевич, постараясь...

И через минуту появились перед нами рюмки и фужеры, бутылки с разноцветными водками, розовая семга, смугло-телесный балык, блюдо с раскрытыми на ледяных осколках раковинами, оранжевый квадрат честера, черная блестящая глыба паюсной икры, белый и потный от холода ушат с шампанским... Начали с перцовки. Композитор любил наливать сам. И он налил три рюмки, потом шутливо замедлился:

- Святейший Георгий Иванович, и вам позволите?

Георгий Иванович, имевший единственное и престранное занятие, - быть другом известных писателей, художников, артистов, - человек весьма тихий и неизменно прекрасно настроенный, нежно покраснел, - он всегда краснел перед тем, как сказать что-нибудь, - и ответил с некоторой бесшабашностью и развязностью:

- Даже и очень, грешнейший Павел Николаевич!

И композитор налил и ему, легонько стукнул рюмкой о наши рюмки, махнул водку в рот со словами: "Дай боже!" - и, дуя себе в усы, принялся за закуски. Принялись и мы, и занимались этим делом довольно долго. Потом заказали уху и закурили. В старой зале нежно и грустно запела, укоризненно зарычала машина. И композитор, откинувшись к спинке дивана, затягиваясь папиросой и, по своему обыкновению, набирая в свою высоко поднятую грудь воздуху, сказал:

- Дорогие друзья, мне, невзирая на радость утробы моей, нынче грустно. А грустно мне потому, что вспомнилась мне нынче, как только я проснулся, одна небольшая история, случившаяся с одним моим приятелем, форменным, как оказалось впоследствии, ослом, ровно три года тому назад, на второй день Рождества...

- История небольшая, но, вне всякого сомнения, амурная, - сказал Георгий Иванович со своей девичьей улыбкой.

Композитор покосился на него.

- Амурная? - сказал он холодно и насмешливо. - Ах, Георгий Иванович, Георгий Иванович, как вы будете за всю вашу порочность и беспощадный ум на Страшном суде отвечать? Ну, да бог с вами. "Je veux un tresor qui les contient tous, je veux la jeunesse!"* - поднимая брови, запел он под машину, игравшую Фауста, и продолжал, обращаясь к нам:

* - *"Я хочу обладать сокровищем, которое вмещает в себе все, я хочу молодости!" (франц.)*

- Друзья мои, вот эта история. В некоторое время, в некотором царстве, ходила в дом некоего господина некоторая девица, подруга его жены по курсам, настолько незатейливая, милая, что господин звал ее просто Идой, то есть только по имени. Ида да Ида, он даже отчества ее не знал хорошенько. Знал только, что она из порядочной, но малосостоятельной семьи, дочь музыканта, бывшего когда-то известным дирижером, живет при родителях, ждет, как полагается, жениха - и больше ничего...